

рической школы». Отмечая прогрессивность позиции Маркова, автор вместе с тем не идеализирует его, обращает внимание на непоследовательность и ограниченность смелых исканий молодого ученого, не сумевшего окончательно порвать с методологией «исторической школы».

Две статьи — Т. Д. Гладковой и Э. В. Померанцевой — впервые с такой полнотой раскрывают содержание разносторонней деятельности московского Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (его Антропологического отдела и Комиссии по народной словесности).

В рецензируемом выпуске «Очерков» статьи по истории фольклористики преобладают, но почти во всех них затрагиваются и собственно этнографические проблемы. Значительно меньше уделяется внимания антропологии. Не будучи специалистом в этой области, не беру на себя смелость судить о статье Г. Ф. Дебеца «Этническая антропология в работах русских антропологов конца XIX и начала XX века». Однако одна особенность ее невольно обращает внимание читателя — аналитическое отношение к материалу в свете достижений советской антропологии и основательная критика буржуазной антропологии. Статью Г. Ф. Дебеца уместно дополняет статья В. П. Алексеева «Этническая антропология в Казани во второй половине XIX — начале XX века».

Интересные сведения о русских путешественниках — исследователях Тибета содержит статья Ю. И. Журавлева. Существенно расширяют наши знания о деятельности В. И. Иохельсона и его постоянной сотрудницы Д. Л. Иохельсон-Бродской дневники ученого и его жены, исследованные И. С. Гурвичем. По-новому подошел к наследию Л. Я. Штернберга А. П. Окладников, выявив значение выдающегося русского этнографа для археологии Дальнего Востока.

Второй выпуск «Очерков» — ценное историографическое издание, которое принесет большую пользу не только историкам науки, но и исследователям современных проблем этнографии, фольклористики, антропологии. Хочется надеяться, что многие моменты в истории отечественной науки второй половины XIX — начала XX в., особенно роль марксизма в этот период, будут освещены в последующих выпусках. Наряду со столь же документированными и конкретными очерками деятельности отдельных ученых, новые выпуски должны, по нашему мнению, содержать также исследования, характеризующие методологию важнейших направлений и «школ», — исследования, которые приближат появление фундаментального обобщающего историографического труда.

В. Гусев

Сибирский этнографический сборник, V. Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, новая серия, т. 84, М., 1963, 233 стр.

Очередной Сибирский этнографический сборник посвящен различным вопросам истории, этнографии и экономики так называемых малых народов Севера.

Малые народы Советского Севера в дореволюционное время находились на низких ступенях общественного развития. В братской семье советских народов они совершили переход к социализму, минуя капитализм, и сейчас уверенно строят коммунистическое общество. Совершившееся впервые в человеческой истории развитие малых северных народов по социалистическому пути, минуя капитализм, представляет большой научный и практический интерес, является мощным опровержением реакционных теорий, оправдывающих колониальные захваты и грабежи, имеет громадное международное значение. Поэтому и литература о жизни малых народов Севера пользуется большим спросом как со стороны советского, так и зарубежного читателя. Представляется, что и «Сибирский этнографический сборник, V», посвященный малым народам Севера, будет встречен широкими кругами читателей с удовлетворением.

Авторы сборника — научные сотрудники Сектора по изучению социалистического строительства у малых народов Севера Института этнографии АН СССР, многие годы посвятившие изучению истории, этнографии и экономики северных народов. Большая часть статей сборника написана авторами на основании глубокого изучения затронутых вопросов по архивным данным и личных полевых наблюдений. Наибольший интерес представляют статьи Б. О. Долгих, И. С. Гурвича и А. В. Смоляк.

Статья Б. О. Долгих посвящена выяснению вопроса о происхождении долган. Долганы, как известно, составляют наиболее многочисленную группу коренного населения Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа, хотя еще в XVII в. долганской народности как таковой вообще не было. Считалось, что долганы — это обьякученные эвенки или эвены. Такое определение, указывает Б. О. Долгих, более или менее

правильное в отношении только части современных долган, является далеко не полным, не учитывающим ряда обстоятельств формирования долганского народа. В последнее время за рубежом было высказано уже совершенно неверное положение, что долганы — это обьякученные нганасаны.

В своей статье «Происхождение долган» Б. О. Долгих показал, что в образовании современных долган участвовали различные этнографические группы. К ним автор относит: 1 — часть эвенов Долганского рода, которых нашли на Лене русские в XVII в.; 2 — эвенков Долгано-Тунгусской управы с родовым названием Донгот; 3 — эвенов Жигано-Тунгусской управы с родовым названием Эдян (Адян) или Эдиген; 4 — эвенков или эвенов Боганидско-Тунгусской управы с родовым названием Каранто; 5 — якутов Нижне-Затундринской якутской управы (это самая большая часть долганской народности); 6 — затундринских крестьян; 7 — есейских якутов, 8 — эвенков второй и третьей Летних и Илимпейской управ и отдельные семьи энцев и ненцев.

Установив составные элементы долганского народа, автор показал, где эти этнографические группы находились в XVII в., установил пути, время и обстоятельства их переселения на Таймыр. Поселившись вдоль северной границы лесной растительности от оз. Пясины на западе до низовья Анабара на востоке, эти этнографические группы оказались втянутыми в интенсивный процесс сближения между собой и в результате сложились в одну долганскую народность. В стороне от процесса формирования долганского народа остались коренные жители Таймыра — нганасаны.

К 1926—1927 гг. образование долганского народа, отмечает автор, было в общем свершившимся фактом. Организация в 1930 г. Таймырского (Долгано-Ненецкого) национального округа, коллективизация сельского и промыслового хозяйства населения Таймыра, подъем культуры и экономики коренных жителей Таймыра в советское время способствовали дальнейшему сближению этнических элементов, из которых сложился долганский народ, по мнению автора, в настоящее время практически вполне однородный в этническом отношении. Вместе с завершением процесса консолидации долганской народности и преобразованием этой народности в социалистическую происходит также сближение ее с русской социалистической нацией, что открывает перед долганами еще более широкие перспективы их всестороннего экономического и культурного развития.

В качестве приложения к статье дан список долганских фамилий. В отношении каждой фамилии даются сведения о том, представители каких этнографических групп (родов) имели эти фамилии и какова была численность каждой из этих фамилий в 1926—1927 гг. Статья хорошо иллюстрирована фотографиями, карто-схемами, таблицами.

Значительный интерес представляет статья И. С. Гурвича по этнической истории русских старожилов Северо-Восточной Сибири.

Пристальное внимание историков привлекает процесс присоединения Восточной Сибири к Русскому государству, вопросы о географическом распределении и численности проникших в Восточную Сибирь в XVII в. русских людей, этническая судьба этих первых землепроходцев. За небольшим исключением, эти вопросы еще остаются маловыясненными. В своей статье И. С. Гурвич прослеживает историю русского населения северных промысловых районов Якутии на протяжении XVII в. и тем восполняет пробел по этнической истории русских старожилов Восточной Сибири. Для выполнения этой задачи автор использовал большое количество архивных материалов. Так, для выявления численности русских промышленников и торговых людей И. С. Гурвич использовал оброчные и отчасти явчин таможенные книги, а для установления численности служилых людей — окладные книги, многочисленные отписки и донесения якутских воевод.

Автор подсчитал, что в годы наибольшего подъема собольих промыслов (1630—1650) на северных реках северо-востока обитало около 1200 русских промышленников (исключительно взрослых мужчин) и около 100 служилых людей. В значительной части обе эти категории русского населения тогда представляли временных поселенцев. В последующие годы в связи с падением собольих промыслов численность промышленников сократилась не менее чем вдвое. В 1870-х годах на северных реках было всего лишь 200—250 промышленников. Однако большая часть их в это время обзавелась семьями, превратилась в постоянно промысловое население, образовав в конце XVII в. в устьях больших рек севера Якутии небольшие русские промысловые поселения.

На основании десятичных и оброчных книг Оленекского, Жиганского, Индигирских и Колымских зимовий автор установил, что основную массу переселенцев-промышленников северных районов Якутии составляли переселенцы из северных и центральных уездов Поморья — устюжане, усольцы, мезенцы, белозерцы, колмогоры, пинежане. Эти поморы завезли в Сибирь и типичный северорусский промысловый инвентарь — обметы на соболя, кулемы, плашки, лыжи, зверовых собак, а также новые средства для добычи рыбы — невода, сети пушальни, стерляжи удочки. Статья раскрывает сложный процесс образования на северо-востоке Сибири постоянного русского населения и его взаимоотношения с аборигенами.

Обстоятельная статья А. В. Смоляк рассказывает о составе, происхождении и расселении ульчских родов (середина XIX — первая четверть XX в.). Автор отмечает любопытный факт: среди такой малочисленной группы населения, как ульчи (их по пере-

писи 1959 г. было немногим более 2 тыс. чел.), насчитывается свыше 40 родов. В статье приводится список ульчских селений с указанием живших в них родов с середины XIX в., анализируется состав и происхождение этих родов.

В настоящее время, отмечает автор, в составе ульчей преобладают лица из родов нанайского происхождения (примерно 50%), роды по происхождению эвенкийско-негидальско-орочские составляют около 20%, нивхские — 12%, ороческие — 7% и т. д. Однако современная численность родов не отражает, по мнению автора, численности родов в прошлом и, следовательно, удельного веса компонентов различного происхождения в составе современных ульчей. Более полная картина происхождения всех родов на Нижнем Амуре раскроется тогда, когда будут проведены специальные работы по выявлению и определению состава и происхождения родов соседних народов, — нанайских, ороческих, негидальских, ороческих, удэгейских, ульчских и нивхских.

Небольшая статья Ю. В. Симченко посвящена описанию старинного нганасанского праздника Анысо-дялы (в буквальном переводе — Большой день). Подробно описав ранее неизвестный праздник нганасан, автор приходит к выводу, что он является пережитком древних обрядов нганасан, одним из тех архаичных явлений, которые позволяют в известной степени уяснить некоторые вопросы истории культуры полярных народов. К сожалению, однако, этот праздник описан автором так, что остается неясным характер его бытования в настоящее время. Следует поэтому указать, что сейчас у большинства нганасан он уже не отмечается.

Две статьи рецензируемого сборника показывают результаты социалистического строительства у двух групп коренного населения Таймырского национального округа — эвенков, живущих возле Хантайского озера (статья В. Л. Туголукова), и так называемых лесных энцев, проживающих в Потановском сельсовете (статья В. И. Васильева). Эти группы коренного населения Таймыра в прошлом были одними из наиболее отсталых и бедных жителей Севера. Поэтому история социалистического строительства у этих этнографических групп и показ их современного хозяйства, культуры и быта представляют несомненный интерес. При этом лесные энцы до сих пор были совершенно неизученной группой коренного населения Севера. Помещаемая в сборнике статья В. И. Васильева является первой работой, посвященной специально описанию истории хозяйства и культуры лесных энцев.

Хантайские эвенки впервые в этнографическом отношении были обследованы в 1959 г. В. А. Туголуковым. Автор показал, что эвенки, ныне живущие в районе Хантайского озера, представляют в основном переселенцев из более южных районов и по своему происхождению являются потомками эвенкийских родов: Елогир, Хукочар, Хутокогир, Панкагир, Чемпогир, Кильмагир, Лонтогир, Хомпо, Лютюк, Тыптагир, Баягир. Далее В. А. Туголуков подробно осветил современное хозяйство, культуру и быт хантайских эвенков.

Однако не со всеми положениями автора статьи «Хантайские эвенки» можно согласиться. Так, В. А. Туголуков пишет, что «большинство эвенкийских названий озер и речек в районе Хантайского озера представляет, вероятно, простой перевод русских названий». Вероятнее обратное: именно русские названия представляют перевод предшествовавших им эвенкийских, ибо первыми сюда пришли эвенки, они и дали этим местам наименования на своем родном языке.

Отметим также неточное утверждение автора, который на стр. 11 пишет, что общественное поголовье оленей колхоза насчитывает 3339 голов, а оленей, принадлежащих колхозникам, было 623. Выходит, что общественное стадо колхоза якобы не принадлежит колхозникам. На самом деле 3339 колхозных оленей принадлежат также колхозникам, являются их общественной собственностью.

На стр. 17—19 автор пытается дать экономический анализ эффективности отдельных отраслей хозяйства. В. А. Туголуков суммирует сводные данные за четыре года, при этом земледелие и животноводство колхоза (заметим, кстати, мизерные, о которых не стоило бы и говорить) группирует вместе и «показывает» их убыточность. Вызывает сомнение, что и продуктивное оленеводство в описываемом колхозе является убыточным. Насколько нам известно, нигде на Севере продуктивное оленеводство не является убыточным. В совхозах Севера, например, в 1962 г. оно дало чистой прибыли более 5 млн. руб. Видимо, методика подсчета — ее из статьи трудно понять — ошибочна.

Вызывает недоумение «новый» метод расчета стоимости трудодня, изобретенный автором. Стоимость трудодня определяется В. А. Туголуковым как сумма дохода, деленная на число трудодней. Так стоимость трудодня в колхозах не рассчитывается. Остается неясным в таком случае, за счет каких средств колхоз расширяет производство, ведет строительство социально-культурных учреждений, содержит престарелых колхозников и т. п. Исследователю современного хозяйства колхозников следовало бы лучше знать Устав сельскохозяйственной артели, которым руководствуются все наши колхозы в своей деятельности.

Автор считает целесообразным «развивать те отрасли, которые не требуют особых затрат и приносят реальный доход» (стр. 32). Но что понимает автор под введенными им терминами «особые затраты», «реальные доходы» — неизвестно, поэтому и рекомен-

дации автора остаются непонятными. Отметим еще, что в этнографических описаниях автор допускает неуместные натуралистические детали.

В сборнике также помещены материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров, представленные З. П. Соколовой.

Сибирский этнографический сборник V, за исключением отмеченных неверных положений в статье В. А. Туголукова, является ценным изданием, обогатившим нашу североведческую литературу.

К. Кузаков

Н. И. Сысоева, *Касимовское узорное ткачество XIX — начала XX века*, М., 1963

Рецензируемая брошюра, изданная Научно-исследовательским институтом художественной промышленности, является одной из новых попыток изучения народного ткачества этого края.

Основная задача автора — проанализировать характер узоров и их территориальное распространение по бывшему Касимовскому уезду Рязанской губернии. Автор дает хороший искусствоведческий анализ орнамента рассматриваемых тканей, отмечая их типы, композицию, элементы узоров, выделяя особенности цветовой гаммы. Методом ее анализа вполне могут воспользоваться специалисты смежных с искусствоведением дисциплин.

В основу группировки материала положены технические особенности ткачества: автор характеризует ткани по технике их изготовления. Она выделяет браные ткани с двумя основами, с одним или двумя утками, ткани на двух или четырех ремизах и т. д. Районы распространения Н. И. Сысоева намечает следующие: Курша — Парахино и Касимов — Елатьма. Трудно согласиться с таким подразделением, ибо в каждую группу попадает несколько отдельных гнезд, которые при наличии некоторой общности с соседними имеют свои особенности, резко отличающие их от смежных. Н. И. Сысоева сама указывает на то, что в Касимовском уезде «часто две соседние деревни резко отличались и по одежде и по обычаям» (стр. 6). Этнонимы, создаваемые населением, выделяют отдельные «острова», сохранившие древние формы костюма, украшений и техники исполнения. Например, прозвище куршаков (семь деревень по р. Курше) — «литва», а парахинцев — «жмеи». Это указывает на различные древние элементы, вошедшие в состав этих групп населения. Анализ их материальной культуры также говорит о разных элементах, вошедших в их состав.

Автор стремится связать художественный облик этих тканей с Востоком — Средней Азией, Кавказ (стр. 11—26). Следовало бы указать, с какой именно техникой ковров и каким конкретно орнаментом он связывается.

Вышедшая в 1962 г. работа польского археолога Нахлика («Polska stuka ludowa», 1961, № 3, стр. 137—148) проливает свет на генезис этих тканей. Реконструируя археологические ткани XI—XIII вв., Адам Нахлик дает рисунок ткани, близкой по технике и узору парахинским паневам, и прослеживает их наличие в Московской, Калужской, Смоленской и Новгородской областях. На наличие в настоящее время той же двухосновной техники польский археолог указывает в районе Мазурских болот (Польша) и даже в Швеции. Признавая влияние турецкого элемента в ряде узоров, необходимо теперь говорить и о связях с общеславянскими группами.

В частных вопросах следует указать на некоторые неточности. Говоря об отходничестве (стр. 5), автор не уточняет, что здесь существовало исключительно мужское отходничество. Это и послужило тому, что женское население сохранило местные особенности костюма.

Говоря о столкновении чудских племен со славянами (стр. 6), автор не отмечает, что ассимилировалась лишь одна часть, а другая отступила на восток. Движение Мещеры продолжалось вплоть до XVIII в. Автор недостаточно ясно выразил свою мысль об общности мещерского и башкирского браного ткачества XIX в. (стр. 21).

К мелким недочетам надо отнести то ли ошибку автора, то ли опечатку в названии фабрики Хлудова, названной на стр. 4 «Заводом Хлынова»; на стр. 7 панева названа юбкой, необходимо уточнить название: юбка на вздержке в отличие от обычной юбки на обшивке.

Работа снабжена большим числом иллюстраций (семь цветных таблиц и 11 одноцветных рисунков при 26 страницах текста), причем таблицы даны с прекрасных зарисовок, передающих фактуру тканей. К сожалению, подписи к ним не удовлетворяют научным требованиям. Отсутствуют указания на место производства данной ткани. В таком случае непонятно, зачем потребовалось давать второй список подписей к таблицам в конце брошюры, ничего не прибавившей нового.

Таблица 1 передает «праздничный костюм русской крестьянки». Странно говорить о «русской» в работе, посвященной локальной группе населения. Кроме того, в этом